

М. А. НОВОСЕЛОВ

**Забывтый путь
опытного Богопознания**

Святая Гора Афон
2015

Испытывайте самих себя, в
вере ли вы? Самих себя
наследывайте. Или не знаете
самих себя, что *Иисус Христос в
вас?* Разве только вы не *то, чем
должны быть* (II Кор. XIII, 5).

Вот что говорит в одном из своих *Писем о христианской жизни* известный подвижник и ученый доктор богословия епископ Феофан.

«Всякому должно *испытать и несомненно увериться*, истинна ли та вера, которой он держится, и если она окажется не истинною, отыскать, где та единая, истинная, которая истинно ведет к истинному Богу и дарует несомненно вечное спасение. Это так обязательно и понудительно, как исхищать себя из огня...*Господь не несвидетельствована Себе оставил* (Деян. XIV, 17), а ровно и единой своей истинной веры; но когда Он попустил, чтоб близ нея на сей земле существовали другие веры и как бы вступали с нею в соперничество, то тем самым на всех наложил обязательство не без смысла держаться веры Его, а по несокрушимым основаниям, ради которых с полным убеждением отвергается все прочее. Сим испытанием воздается честь вере и удерживается истинное достоинство человека, лица разумного, сознательного, совестного. Вера наша в нашу веру, т. е., убеждение в истине православного христианского исповедания должна быть разумная. Посему Господь, чтобы расположить к вере в Себя и Свое учение, говорил: *«испытайте писания»*(Иоан.V, 39), убеждал к тому проповедию Иоанна Крестителя и своими чудесами. Апостолы в проповеди тоже всех убеждали и только одним убеждением приучали к вере, а не насилием. Самая твердость исповедания зависит от сего убеждения, а далее и вся жизнь в духе своей веры. На это указывают безчисленные опыты, от коих видно, как сильно иные возбуждаются к сообразной с верою деятельности, с минуты сознания ея истинности единственной, и напротив, как многие спят в безопасности от того, что не привели в ясность сего сознания. Сколько оснований к тому, чтобы испытать и увериться, какая вера есть вера истинная.

Как же увериться и каким путем испытать? К сему два способа: один внешний, научный, а другой внутренний, путь веры. Первый предлагается обыкновенно в систематическом изложении Богословия. Он действителен и для ученых существенно необходим; но, очевидно, не всеобщ, ибо в основании своем содержит знания, не для всех доступные... Нельзя (кроме того) не видеть, что сей путь очень, очень долог и труден, и, что особенно замечательно, помещаясь в голове, оставляет сердце самому себе, *своему своенравию и свободе* (т. е. тому, что главным образом разъединяет человека с Богом. Ср. св. Исаака Сир.: «Вера *по науке* не освобождает человека от гордости и сомнения»). Путь *веры* искреннее, внутреннее, живее, многоплоднее и общедоступнее. Это молитва к единому истинному Богу о вразумлении. Есть Бог истинный. Он сказал волю Свою нам в наше спасение, с желанием, чтоб она была понята и выполнена. Теперь мудрованиями людскими она скрыта, или запутана до того, что тот или другой не имеет достаточно сил найти исход из сего лабиринта. Когда, в чувстве сей кровной нужды, с воплем, стенанием, болезнию сердечною, обратится кто к Богу, истинному Отцу всех человеков, Богу, желающему, чтоб вера Его была действительною, может ли быть, чтоб Он не дал такому решительного указания к убеждению в истине ея?... Примеры убеждения в вере сим путем почти повсюду. Корнилий сотник испросил себе веру... Множество было таких, кои приходили к пустынным вопрошать о вере, а они, вместо всех доводов, заставляли их молиться, и Бог открывал им истину, напр. святой великомученице Екатерине. В смутные времена ересей, Бог воздвигал людей с отличной святостию, облакал их силою чудодейственною и ставил в виду всех, как свечи на свещнице, да светят всем; как они были сосуды веры и силы Божией, то служили для всех сомневающихся решительными указателями истины. Все ожидали или желали знать как исповедует тот и тот святой муж, и держались его исповедания... Один говорил о себе: когда я смотрю на нетленные останки, источающие целебную Божественную силу, и помышляю, что Дух, освятивший сие тело, исповедал именно ту веру, которую я содержу, то у меня исчезает всякое сомнение, которое иногда навеивает враг истины, и я не могу не радоваться тому, что Богу угодно было дать нам такой решительный и вместе такой доступный способ убеждения в истине святой веры... Так вот где успокоительная проповедь

об истине веры!... Но блаженнее из всех тот, кто вместе с Иеронимом Греческим, может сказать: «истинна вера, исповедуемая мною, ибо ею я сподобился приять Божественную некоторую силу, действующую во мне *ощутительно*. И язычники имеют писания и храмы, и жертвы, и учителей, и книги, и отчасти Боговедение, и некоторые добрые дела и праздники, и применение одежд, и молитвы, и всенощные бдения, и священников и много другаго; но сей сокровенной в сердце христианина благодати и действия Св. Духа никто в целом свете не получает, а получают верою только одни правильно крестившиеся в Отца, Сына и Св. Духа». Так вот прямейший путь к открытию истинной веры! Именно: вера же, молитва, непрерывность чудодейственности в церкви, и особенно, внутренняя сила, доставляемая в вере».

Вот этот то последний путь познания Истины Божией, отмеченный преосвященным Феофаном, путь *внутреняго опыта* и забыт нами, настолько забыт, что при указании на него многие, почитающиеся христианами, приходят в недоумение и так высказываются относительно этого пути, что, в свою очередь, приводят в недоумение говорящего. « Да и в самом деле, не мнение ли это одного или немногих лиц», - все эти ссылки на какие - то неясные, таинственные переживания души, на эти ощущения, столь субъективные, что их и понять не может громадное большинство немудрствующих лукаво христиан? Не придаток ли это к христианству, насколько личный, настолько и не общеобязательный? Не есть ли это лишь для полноты изложения вставленное, не имеющее особенной цены, маленькое звено аргументации? Пусть умножится несколько блаженство человека, который ощутит в себе то, о чем свидетельствует бл. Иероним... Но разве это уж так важно для христианина? Не довольно ли правого исповедания и тех добрых дел, на которые человек наталкивается на каждом шагу жизни? Даже философствующая и богословствующая мысль должна, кажется, быть удовлетворенной этим дружным сочетанием метафизики и морали, догмы и нравственности.... Да! но нет ли в этом спасительном ковчеге отверстия, небезопасного для плывущих в Царствие Божие?

Заглянем в писания людей, отмеченных печатью святости.

«Одно дело», говорит Климент Александрийский, «что приобретено упражнением и учением, и иное, что воспринято *через откровение верою*. Только последний путь ведет к

познанию божественной Истины, и она очень близка от нас, даже в наших жилищах, как свидетельствует боговидец Моисей».

«Научает нас», - утверждает бл.Августин, - «внутренний Учитель, - научает Христос, божественное вдохновение; где нет этого вдохновения и внутреннего просвещения, там тщетно действие слов извне».

«И если Духа Божия нет в сердце слушателя», - подтверждает также Григорий Богослов, - то напрасны рассуждения учителя, ибо, если Тот, Кто научает, не находится *внутри*, то язык учителя, который вне, трудится *понапрасну*».

«Потому что», - заключает бл.Иероним, - «закон духовен, и нужно *откровение*, чтобы понимать его».

«Кто слышит только внешний и плотской голос», - поучает св.Лев Великий, - «тот слышит тварь; Бог же есть Дух, и Его можно слышать *только через Духа*, так и Иисуса никто не может назвать Господом, как только Духом Святым».

«Лучшее и вернейшее познание Бога не то, которое выработано усилиями разсудка и выпотением мозга, но то, которое возгорается от небесного огня в сердцах наших и вносит в душу божественный свет, свет», - как говорит Ориген, - «более ясный и убедительный, чем все рассудочные доказательства. В этом то и состоит познание истины, как она пребывает во Христе Иисусе, - в том сладостном, кротком, смиренном и любящем духе Иисуса, который, как утреннее солнце, сияет на злыя и благия».

«Искать же боговедения лишь в книгах и писаниях значит», по словам бл. Августина «искать живого между мертвыми. *Intra te quaere Deum! Он лучше всего распознается, так сказать, духовным осязанием. Мы должны стремиться видеть Его своими глазами, слышать своими ушами, и наши руки должны осязать Слово жизни. Ведь душа наша, как и тело, имеет свое чувство: *вкусите* и видите, как благ Господь!»*

Достаточно и сих свидетельств, утверждающих то положение, что божественное, *внутреннее откровение Духа есть основной источник Богопознания.*

Приведу теперь свидетельства, не только утверждающие и раскрывающие только что сказанное мною положение, но с особой силой настаивающие на *необходимости и безусловной обще-обязательности* того пути Богопознания, который, повторяю, оставлен и забыт нами на великое горе нам, на великое, - ибо в забвении пути сего кроется причина главнейших

недугов наших и нашей неспособности исцелить их.

Начну со св.Исаака Сирина, этого величайшего, по мнению Кириевского, философа-христианина.

«Пока душа не придет в *упокоение* верую в Бога, приятием в себя силы ея *ощущения*, дотоле не уврачует немощи чувств, не возможет с силою попрасть видимаго вещества, которое служит преградю внутреннему».

«Хочешь ли умом своим быть в *общении* с Богом, прияв в себя *ощущение* онаго усаждения, не поработеннаго чувствам? Послужи милостыне».

«Кто целомудрен, смиренномудр, гнушается вольностью в словах, и изгнал из сердца раздражительность, тот (уверен я в этом), как скоро станет на молитву, видит в *душе своей свет Св. Духа*».

Различая три степени ведения св.Исаак пишет:

«Первая степень ведения охлаждает душу для дел шествия по Богу.

Вторая согревает душу для скорога течения к тому, что на степени веры.

Третья же есть упокоение от делания (что есть образ будущаго) в едином упражнении ума, наслаждающагося *тайнами будущаго*.... Все святые, сподобившиеся обрести житие сие (а это есть восторжение к Богу) *по силе веры*, прибывают в усаждении оным превышеестественным житием. Веру же разумеем не ту, какую человек имеет в разсуждении разнствия достопокланяемых Божественных Ипостасей, все превосходящаго и особеннаго естества в самом Божестве, чуднаго домостроительства в воплощении восприятием нашего естества (хотя и сия вера крайне высока), но *веру, возсиявающую в душе от света благодати, свидетельством ума подкрепляющую сердце*, чтобы не колебалось оно в *несомненности надежды, далекой от всякаго самомнения*. И вера сия обнаруживается не в приращении слуха ушей, но в духовных очах, которыя видят сокрытые в душе тайны невидимое и божественное богатство, сокровенное для очей сынов плоти, и открываемое Духом, питающимся с трапезы Христовой, в поучении законам Христовым, как сказал Господь: «если заповеди Мои соблюдете, пошлю вам Утешителя, Духа Истины, Его же мир не может прияти и Той вас научит всякой истине (Иоан. XIV, 17, 26). Он указывает человеку сию святую силу, обитающую в нем во всякое время,...которая познается

святыми (паче) в опытном приобщении к ней».

«Утверждение веры в Бога не то, что здоровое исповедание, хотя оно и мать веры, напротив того, душа видит истину Божию по силе жития».

«Несомненность веры в людях высоких душою открывается по мере того, как нравы их внимательны к житию по заповедям Господним».

«Что такое ведение?» вопрошает св. Исаак. И дает ответ: «Ощущение бессмертной жизни.» «Что такое бессмертная жизнь?» «Ощущение в Боге».

«Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной!», - восклицает святой.

«Истина есть ощущение по Богу, какое только вкушает в себе человек ощущением чувств духовного ума».

«Проси у Бога, чтоб дал тебе прийти в меру веры. И если ощутишь в душе своей наслаждение сие, то нетрудно сказать при сем, что нечему уже отвратить тебя от Христа..., О сем молись не лениво, сего испрашивай с горячностью, об этом умоляй с великим рачением, пока не получишь».

«Когда Бог усмотрит в тебе сию волю, что со всею чистотою мыслей доверился ты самому Богу более, нежели себе самому... тогда вселится в тебя она неведомая сила, и ощутительно почувствуешь, что с тобою несомненно сила, та сила, которую ощутив в себе, многие идут в огонь, и не боятся, и ходя по водам, не колеблются в помысле своем опасением потонуть, потому что вера укрепляет душевные чувства, и человек ощущает в себе, что как будто нечто невидимое убеждает его не внимать видению вещей страшных и не взирать на видение, невыносимое для чувств».

Конечно, думается тебе, что душевным (умовым, разсудочным) ведением иной приемлет оное духовное ведение? Не только невозможно душевным ведением приять оное духовное, но даже нет возможности ощутить его и чувством, или сподобиться его кому либо из ревностно упражняющихся в ведении душевном. И если некоторые из них желают приблизиться к оному духовному ведению, то, пока не отрекутся от сего душевного и от всяких изворотов его тонкости, и многосложных его способов, и не поставят себя в младенческий образ мыслей, дотоле не возмогут приблизиться, хотя мало, к ведению духовному. Напротив того, великим препятствием бывают для них навык и понятия

душевного ведения, пока не изглядят сего мало по малу. Оно духовное ведение просто, и не просиявает в помыслах душевных. Пока разум не освободится от помыслов многих (неразрывных с душевным ведением) и не придет в единую простоту чистоты, дотоле не возможен ощутить духовного ведения.

Вот порядок сего ведения — *ощутить наслаждение оною жизнью онаго века...* Но онаго духовного ведения никто не может приять, если не обратится, и не будет, как дитя. Ибо с сего только времени *ощущается* оное услаждение небесным царствием. О царствии небесном говорят, что оно есть духовное созерцание. И обретается оно *не делами помыслов* (т. е. не усилиями разсудка), но может быть *вкушаемо по благодати*. И пока не очистит себя человек, не имеет он достаточных сил и *,слышать о нем*, потому что *никто не может приобрести онаго изучением*. Если ты, чадо, достигнешь чистоты сердца, производимую верою в безмолвии от людей, и позабудешь знание мира сего, так что не будешь и ощущать его: то внезапно обретается пред тобою духовное ведение, *без розыскания о нем...* Если же удерживаешься *вервию душевного знания*, то не неуместно мне сказать, что удобнее тебе освободиться от железных уз, нежели от этого вервья; и *всегда будешь не далек от сетей прелести, и никогда не уразумеешь, как возьмет дерзновение перед Господом и упование на Него, на всякий же час будешь ходить по острию меча, и никоим образом не сможешь быть без печали*.

«*Душа, пока болезнует страстями, не ощущает чувством своим духовного и не умеет вождедевать онаго, вождедевает же только по слуху ушей и по писаниям*»

...«*Обучение и ведение при страстях не приносят пользы, и не достаточны к тому, чтобы отверзать дверь, заключенную пред лицом чистоты. Если же отъяты от души будут страсти, то ум просвещается и поставляется на первом месте естества, и не имеет нужды в вопросах, потому что ясно видит блага, обретаемая на своем месте. Ибо как внешняя наши чувства не вследствие обучения и вопросов ощущают соприкосновенныя им естества и вещи, но каждое чувство естественно, а не с помощью вопросов, ощущает встречающуюся ему вещь (потому что нет учения посредствующаго между ощущающим и ощущаемым, слепому сколько ни говори о славе солнца и луны, о сонме звезд, о блеске драгоценных вещей, - и приемлет, и судит, и представляет себе красоту, какую имеют они, только по названию; знание*

же и разсуждение его далеки от удовольствия, доставляемого самым видением); так, подобным сему образом, представляй себе и о созерцании духовном. Ибо ум, прозирающий в сокровенныя тайны духа, если он в своем естественном здравии, вполне созерцает славу Христову, и не спрашивает, и не учится, но наслаждается тайнами новаго мира.

«Желать посредством изследования и разспросов познавать тайны есть неразумие души».

«Начало, середину и конец духовнаго жития составляет следующее: отсечение всего единением о Христе».

...«За сохранение заповедей ум сподобляется благодати таинственнаго созерцания и откровений духовнаго ведения.»

«Я же, крестившийся Духом Святым и исполненный благодати (св. Исаак говорит об Ап. Павле), хочу внутрь себя приять ощущение живущаго во мне Христа».

« При томлении гортани рождается в душе плод — ведение таин Божиих» .

«При чистоте ума человек приходит в ведение таин Божиих».

«Подвижничество есть мать святыни, от него происходит первое изведение ощущения таин Христовых, что называется первою степенью духовнаго познания».

«Живущий в любви... в этом еще мире в ощущаемом здесь обоняет оный воздух воскресения».

...«Когда вера будет сопровождать дела, и постепенно придет в делание, тогда рождает духовное ведение, о котором сказали мы, что рождается оно от веры.

Естественное ведение, т. е. Различение добра и зла, вложенное в природу нашу Богом, само убеждает нас в том, что должно веровать Богу, приведшему все в бытие. А вера производит в нас страх; страх же понуждает нас к покаянию и деланию. Так дается человеку духовное ведение, т.е. ощущение таин, которое рождает веру истиннаго созерцания. А таким образом не просто от одной голой веры рождается духовное ведение, но вера рождает страх Божий, и при Божиим страхе, когда в нем начнем действовать, от действия сего страха рождается духовное ведение, как сказал св. Иоанн Златоуст: «Когда приобретет кто волю, соответствующую страху Божию и правильному образу мыслей, тогда скоро приемлет он откровение сокровеннаго». Откровением же сокровеннаго называет он духовное ведение»....

Духовное ведение есть ощущение сокровеннаго, и когда

ощутит кто сие невидимое и во многом превосходнейшее, тогда приемлет он от сего именование духовнаго ведения, в *ощущении* его рождается *иная вера, не противная вере первой, но утверждающая ту веру*. Называют же ее верою созерцательною. Дотоле был *слух*, а теперь созерцание; созерцание же несомненное слуха.

От богоноснаго сирскаго философа перейдем к преподобному Симеону, Новому Богослову.

«Поистине одна только есть печать Христова» пишет преподобный, *«осияние Духа Святаго, хотя много есть видов воздействий Его и много знамений силы Его»*

«Только тот ум, который соединяется с Богом посредством веры и познает Его через делание заповедей, только такой наивернейше сподобляется *видеть Его и созерцательно*; ибо чрез посредство веры, какую имеет он во Христа, *вселяется Христос внутрь его* и делает его *обоженным*».

«Если здесь сподобимся мы познать Его *чувством души* своей, то не умрем, смерть не возобладает нами. Не будем дожидаться узреть Его в будущей жизни, но *здесь, в этом мире, поподвигаемся узреть Его.*»

«Истинный христианин есть тот, который искренно исповедал пред Богом и Ангелами во время крещения своего, что отрекся диавола и всех сатанинских дел его и дал обет служить Христу Господу, исполняя все святяга заповеди Его, и таким образом сподобился таинственно приять благодать Божию сокровенную, и *ощутить* ее в духе, т. е. Сознать духом, что приял ее».

«Потщимся сохранить божественные заповеди и очистить сердца свои слезами и покаянием, да *узрим самого Христа*, сей свет божественный, и да стяжем Его *еще здесь, в настоящей жизни, в Обитателя в нас*, да животворит Он души наши благодатию Всесвятаго Духа, и да питает их сладостию чаемых благ Царствия Своего».

«Тщетно именуется христианином тот, кто не имеет в себе благодати Христовой *ощутительно*, т. е. так, чтобы *опытно* знал в себе таковую благодать».

«Надлежит человеку *здесь на земле* родиться свыше от божественной благодати, и тогда возможен он увидет Царствие Божие. *Кто не видит в себе Царствия небеснаго*, т. е. не видит, что в нем царствует Бог, тот не родился еще свыше от божественной благодати, и надлежит ему всячески взыскать

того, чтобы родиться свыше *да узрят Царствие Божие еще здесь на земле*».

«Кто как должно верует во Христа, тот имеет жизнь вечную в себе, которая есть благодать Господа нашего Иисуса Христа. *Кто же верует во Христа, а жизни вечной в себе не имеет, того тщетна и бесполезна вера*».

«Таков закон новой жизни о Христе Иисусе, что Христос Господь благодатию Св.Духа приходит к нам и воскрешает умерщвленные души наши, и дает им жизнь, и дарует очи *видеть Его Самого безсмертного и нетленного живущим в нас*».

«Итак, которые христиане не видят *умно* Господа, не освещаются *явственно и знательно* Его Божеским светом, не видят Его пребывающим в себе, пусть не говорят, *как неверные*, что невозможно Его видеть; но каждый из нас, возлюбленные мои, *пусть испытает совесть свою*, и конечно найдет, что *сам виноват*, что не имеет в себе Бога и не видит славы Его».

Великое благо есть веровать во Христа, потому что без веры во Христа никому не возможно спастись; но надобно и научиться слову истины и познать его. Благо есть научиться слову истины, и знать его необходимо; но надобно и крещение приять во имя Святыя и Живоначальныя Троицы, *для оживления души*. Благо есть крещение приять и чрез него новую жизнь духовную, но надобно, чтоб и *чувством ошущена была сия таинственная жизнь*, или умное в духе просвещение».

«Воскресению Христову верят премногие — многие; но мало таких, которые бы *чисто зрели Его*. Те же, которые не зрят так воскресения Христова, не могут поклоняться Иисусу Христу, яко Господу. Почему священная песнь, которую часто имеем мы в устах своих гласит: Воскресение Христово не веровавшие, а что? Воскресение Христово *видевше*, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному. Как же это Святой Дух подвигает нас петь: Воскресение Христово *видевше*, т. е., что мы видели воскресение Христово, - когда мы не видали его, так как Христос воскрес больше тысячи лет прежде, да и тогда никто не видал, как Он воскрес? Уж не хочет ли песнь церковная научить нас говорить ложь? Да не будет! Перестань злословить! - Напротив, она завещала нам возглашать сими словами совершенную истину, напоминая о том воскресении Христовом, которое бывает в каждом из нас верных, и бывает не просто, но светоносно, *блистая сияниями Божества Его*

и нетления. Светоносное присутствие Духа показывает на совершившееся в нас воскресение Господне, и еще паче — дает нам благодать видеть самого воскресшаго Христа Господа. Почему и поем: Бог Господь и явился нам; и желая показать второе Его пришествие, прибавляем вслед затем: благословен грядый во имя Господне, Итак в тех, в которых явился Христос воскресший, всеконечно Он и виднее бывает духовно, и видится духовными очами. Ибо, когда приходит в нас Христос благодатию Святаго Духа, то воскрешает нас из мертвых, какими бываем доколе, и животворит, и делает, что мы видим в себе живым Его самого, безсмертного и нетленного».

Говоря о маловерах и полуверах, которые «не показывают веры своей делами», св. Симеон называет их веру беспомощною и бесполезною, как веру, по слову Апостола, *мертвую*. «Вера бо без дел мертва есть» (Иак. II, 20). «Почему же мертва такая вера? вопрошает преподобный. «Потому», отвечает он, что *не имеет в себе Бога животворящаго*, - что не стяжевает в себе Христа рекшаго «любяй Мя, заповеди Моя соблюдет, и Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим» (Иоан. XIV, 23), чтобы присутствием своим воскресить из мертвых того, кто стяжевает такую деятельную веру, *оживотворить* его и дать ему *видеть самого Христа*, воскресшаго в нем и его воскресившаго».

«Господь так скажет: «О человеки! Узнали ль вы Меня? Видели ль вы свет Мой? *Приняли ль вы Меня внутрь себя?* Узнали ль действия Духа Моего самым *искусом* и *опытом*, или нет?»

«Я говорю», пишет тот же святой, «о тех еретиках, которые говорят, что в нынешния наши времена и среди нас нет никого, кто бы мог соблюсти заповеди Евангелия и быть, как были святые отцы, *во-первых*, верным и деятельным: ибо вера в делах обнаруживается, как в зеркале является подобие лица, а *потом* мог бы быть *созерцательным* или Богозрителем, т. е. *зреть Бога* чрез просвещение от Духа Святаго, или, *прияв духа*, благодатию Его *зреть Сына со Отцем*. Так те, которые почитают это невозможным, *еретики* и имеют не одну какую-либо частную ересь, но, можно сказать, *все ереси*; поколику эта ересь нечестием и богохулением своим превосходит все другия, и *кто говорит так, низвращает все Божественныя Писания*».

«От заповедей рождаются добродетели, а *от добродетелей явными делаются таинства*, сокрытые в букве Писания. Тогда преуспевают в добродетелях, когда хранят заповеди; и

опять тогда хранят заповеди, когда ревнуют о добродетелях; а *посредством добродетелей и заповедей открывается для нас дверь ведения*, или, лучше сказать, она открывается Иисусом Христом, Который сказал: «имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя. И Аз возлюблю его и явлюся ему Сам» (Иоан. XIV, 21). Таким образом, когда *вселится в нас Бог* и откроет нам Себя *заведомо (знательно, осязательно)*, тогда и мы *прозрим к ведению*, т. е., уразумеем *действенно те божественныя таинства, которыя сокрыты в Божественных Писаниях. Другим же каким-либо способом достигнуть сего невозможно*. И пусть никто себя не обманывает, думая, что открыл *иначе как этот сундучок ведения и вкусил благ, кои внутри его*, т. е., достиг *причастия их и созерцания их*».

«Удостоверение в действительности спасения одно, это духовное чувство *благодати* Всесвятаго Духа, даруемой от Бога ради веры духовной силе ума».

«Все сие», заключает преп. Симеон, «надлежит тебе, возлюбленный, *познать самым делом и испытать всем чувством души* твоей, чтоб *стяжать в себя Бога*, Который возводил бы тебя вместе с Собою на небеса, *теперь в сей жизни* без тела, а после в другой жизни воскресил бы тебе и тело сие, соделав его вседуховным, и потом уже царствовал над тобою нескончаемые веки, тебя носил и *Сам тобою был носим*, сый над всеми Бог».

Из далеких от нас келий богоноснаго философа, отшельника Сирии, и преподобнаго богослова, наставника Греции, перенесемся в близкие к нам, почти современные палаты государственнаго деятеля. Не услышим ли и в них голоса, родственнаго и философу, и богослову?!

«Возвращайтесь, о, возвращайтесь, любезный друг, к этим (трем) упражнениам, и смею вас уверит от имени Того, чья радость состоит в жизни и общении с людьми, что Он не замедлит *явиться*. Он придет излить свет свой на ваш разум, очищать чувство ваше, руководить вашими действиями. Вы *ощутите* в себе силы, до сих пор вам неизвестныя. Томления ваши разсеются, ибо Он придет *не в виде мысли, отвлеченнаго понятия*, как испытывали вы доселе, но столь же *действительно*, столь же *физически (существенно* -еп. Феофан) как сегодня восходящее солнце. Ибо когда раз раскроется пред нами зрелище духовнаго мира, невозможно не чувствовать солнца, им управляющаго. Но спрашиваю вас: что действительнее —

мир духовный, или вещественный?

Не говорю чтобы все было сделано, как только достигнешь этого состояния *ощутимаго общения*. (Этим полагается только начало новой степени, или новаго периода христианской жизни, еп.Феофан) О нет, остается еще сделать многое, чтоб достигнуть инаго общения, которое отрешено не только от всякаго образа, но и от всякой мысли, *общения*, почти неизъяснимаго словом, хотя *весьма действительнаго*».

Так пишет своему другу — протестанту граф М. М. Сперанский.

«Примечайте», - говорит он же в своем письме к П. А. Словцову: «всякая добрая мысль, всякое доброе движение воли есть и *движение Христово*. «Без Мене не можете творити ничесоже»(Иоан.XV, 5). По мере того, как вы будете примечать в себе сии движения и относить их ко *Христу, в вас действующему*, Он будет в вас возрастать, и наконец, вы достигнете того счастливаго мгновения, когда в состоянии будете *ощутить Его* с такой живостью, с таким внутренним убеждением в *действительном Его присутствии*, что с непостижимою вам самим радостью скажете «так, это точно Он, Господь мой и Бог мой!»

«*Живое и действительное обращение со Христом*», продолжает спустя несколько страниц граф, «откроет вам первую возможность разуметь Св.Писание. Без сего обращения все усилия тщетны, все это *пустые умствования*, душевная, а не духовная ученость, и *одно суесловие*. « Слова Мои дух суть, живот суть». Но кто же откроет дух Христов кроме Него Самого? - Св. Писание вообще не что иное есть, как изображение или представление в разных формах и видах одной и той же истины, а именно того, как Бог *беседовал и общался с людьми*, сперва через пророков (Завет ветхий), потом ближе и яснее в образе Сына Своего - Слова (Новый Завет). Сие изображение начертано единственно для того, чтобы означить нам ,что мы *и в себе тоже самое испытать можем и должны*. Искать в Св. Писании наших бесплодных и пустых истин и суесловнаго порядка нашей бедной, пятичувственной логики, - это значит *ребячиться*, забавлять себя *безделками учености или литературы*. Еще повторяю: тут ничего не должно искать, кроме образа и представления *Божиих с человеком сообщений*. Но как понять, как поверить сим сообщениям, когда не знаем и не чувствуем их в себе на самом опыте? А чувствуем в себе, - то какое преумножение

веры и любви видеть, что тысячи других людей на необъятном расстоянии времен и языков то же самое чувствовали и видели, что *чувствуем и видим мы в сию минуту*, и что все сии отдаленные изображения *со всею точностию, действительно на яву в нас совершаются!*».

Я ограничился лишь двумя выдержками из духовных писаний М.М.Сперанского, но их можно бы предложить гораздо больше,...

На смену широкообразованному, великому государственному человеку выступает один простой, лишь довольно грамотный странник.

«Вот теперь так и хожу, да безпрестанно творю Иисусову молитву, которая мне драгоценнее и слаще всего на свете... Нет у меня ни о чем заботы. Ничто меня не занимает, ни на что бы суетливое не глядел, и был бы все один в уединении; только по привычке одного и хочется, чтобы безпрестанно творить молитву, и когда ею занимаюсь, то мне бывает очень весело. Бог знает, что со мною делается... Все время читал я мою Библию и чувствовал, что начал понимать ее яснее, не так, как прежде, когда весьма многое казалось мне непонятным. И я часто встречал недоумение. Справедливо говорят Св.отцы, что Добротолюбие (а я читал его в это время) есть ключ к *отверzeniu таин* в Св.Писании. При руководстве оным я стал отчасти понимать сокровенный смысл Слова Божия: мне начало открываться, что такое *«внутренний потаенный сердца человек»*, что *«царствие внутрь нас»*, что *«неизреченное ходатайство совоздыхающего Духа Святаго»*, что *«будете во Мне»*, что *«даждь Ми твое сердце»*, что значит *«облещися во Христа»*, что значит *«обручение Духа в сердцах наших»*, что *«взывание сердечное: Авва! Отче!»* и проч.. Когда при сем я начинал молиться сердцем, *все окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде*: деревья, травы, птицы, земля, воздух, свет, все как будто говорило мне, что существует для человека, свидетельствует любовь Божию к человеку, и все молится, все воспевает славу Богу. И я понял из сего, что называется в Добротолюбии *«ведением словес твари»* и *увидел способ*, по коему можно *разговаривать с творениями Божиими*».

Я также *опытно* узнал, что значит рай, и каким образом разверзается Царствие Божие внутри сердец наших».

«С месяц шел я потихоньку», - продолжает свой рассказ странник, - « и глубоко чувствовал как назидательны и

поощрительны бывают добрые живые примеры; часто читывал Добротолубие и поверял все то, что я говорил слепому молитвеннику. Его поучительный пример воспламенял во мне ревность, признательность и любовь ко Господу; молитва сердца столько меня услаждала, что я не полагал, есть ли кто счастливее меня на земле, и недоумевал, *какое может быть большее и лучшее наслаждение в царствии небесном*. Не токмо сие чувствовал внутри души моей, но все и наружное представлялось мне в восхитительном виде, и все влекло к любви и благодарению Бога.... все было мне как родное, и на всем я находил изображение имени Иисуса Христа».

Оставим странника совершать путь свой и прислушаемся к тому, что говорит совсем современный интеллигентный человек.

«Ты задумайся всею мыслию и всем сердцем почувствуй: никто на всем свете, - и менее всего ты сам, - не можешь поручиться, что завтра ты встанешь с постели живым, безбедно переплыв ночь». Так пишет студент университета своему бывшему приятелю — толстовцу, - и продолжает: «живее и чаще думай о своей личной смерти: ежедневно хотя 15 минут на ночь. Куда же мы пойдем, вышедши из тела? Неужели мое тело — это «я»? «Нет», слышен где-то из под спуда тела голос. «Тело уснет, но «я», вышедши, буду жива». Вот то «я» и есть настоящее, подлинное. И если ты ежедневно, настойчиво будешь допрашивать это придавленное телом «я» и будешь допрашивать, поставив его под угрозу завтра предстоящей смерти, то узнаешь от него нечто поразительное, что тебя сначала ужаснет, но потом обновит, как обновило меня: ты узнаешь, что ты, истинный ты, бессмертен, что смерть лишь дверь в новую безконечную, блаженную или ужасную, жизнь, которую лишь одну и достойно человеку иметь ежеминутно в виду и к ней готовиться. Ты узнаешь *ощутительно*, что эта жизнь лишь странствие, и что не надо ничего любить в этом мире, ни к чему привязываться, ибо все может быть отнято завтра. «Не имамы zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем» (Евр. XIII, 14)

«Когда ты поймешь и *чувством осознаешь*, что завтрашняго дня может для тебя и не быть, тогда ты поймешь, что от Кого-то твоя жизнь зависит всецело, от Кого-то Сущаго (т. е. Живаго) вне этого мира, Всемогущаго, - и это именно тот, к Которому, вышедши из тела, мы пойдем. И это Тот, Котораго надо назвать уж по одному этому, - по подвластности Ему, «Бог

мой, Господин мой» (Господи! Иоан. XX, 28). И ты поймешь с ужасом, спасительнейшим ужасом (если он по навету дьявола не перейдет в отчаяние и самоубийство, от чего избави тебя, Боже!), как страшно выйти из тела (а это завтра может быть, ибо неизвестны «день и час»), не подготовившись, не узнав , что там. А там мир духовный, там все души отцов наших и братий «зде лежащих и повсюду православных». Там Бог Живой, а страшно впасть в руки Бога Живаго, не примирившись с Ним *уже здесь*, пока Он дает время. А это время лишь для того и дано, а отнюдь не для удовольствий. Ты *ощутительно* узнаешь *от души своей* (а не от меня), если будешь ее допрашивать истязательно, что в этом мире живет враг наш дьявол, дух безплотный (т. е. без тела), невидимый нам и оттого страшный и сильный против нас. И вот, мой друг, этот враг старается убедить нас, что его нет, чтобы ему против нас действовать»....

«И знай истину: мы не умрем, смерть лишь дверь, открывающаяся в ту жизнь, жизнь же здесь во плоти, в теле мимолетная, и плоть занавеска, загораживающая то, что там есть. А что там есть, про это сказано в вере святой, окропленной кровью бесчисленных мучеников. И что там есть, узнаешь *ощутительно* в душе своей, если допросишь ее истязательно, как сказано».

«А если бы ты познал», заканчивает свое письмо автор, «сладость одного имени Иисусова, сладость того мига, когда Он в страшном таинстве причащения *вселяется* в наше сердце, и мы *ощутительно опознаем*, что Христос истинно воскрес, не умер, а *жив...* И таинство это после муки очистительной, благодетельной, целительной муки покаяния и исповедания грехов (при свидетеле — иерее, но первоначально в сердце), таинство причащения воистину страшно, ибо под видом хлеба и вина приемлем в свою убогую утхлую храмину тела, храмину едва-едва подметенную, Самого Великаго Бога, нашего Создателя и Промыслителя (Не чудо ли! Не страшное ли чудо)!

«Но обо всем этом говорю с великой робостью, боясь за тебя, как бы ты не согрешил из-за того, что раньше времени я говорю о том, что есть для меня святое святых, а для тебя — неясно, недостоверно, сомнительно, странно...»

«Но, исповедайтесь господави, яко благ, яко в век милость Его» «*Вкусите и видите*, яко благ Господь». Пока *опытом* не узнаешь, если Господь благословит (а буди!буди!), до тех пор

твое сердце не будет биться однозвучно с моим. *«Всяка душа Св.Духом живится, и чистотою возвышается, светлеется Троицким Единством священнотайне».*

«Мои до-христианские воззрения слишком тебе известны» пишет чрезвычайно образованный человек, бывший революционер, пришедший чрез толстовство к Церкви, - «напомню лишь о нашей теории самоспасения: «человек по существу добр, добр собственно его умопостигаемый характер, обуславливающий все дурные поступки и зол, то изменить этот последний и уничтожить в себе эгоистические навыки, ставшие второй природой, дело возможное: стоит только протереть «стекла фонаря», и свет, заключенный в нем, польется на все окружающее». Но несмотря на протирание стекол своего «фонаря», я радикальной перемены в сердце своем не чувствовал и смутно сознавал что *au fond* оно по прежнему остается «каменным». Сознание своей «ветхости» жестоко мучило меня, а выхода из этого «тупаго угла» я не находил. Но вот раз, когда я углублялся в самого себя, *точно молния прорезала мое сознание*, и я увидел, что зол не имперический, а мой умопостигаемый характер, что зла сама моя природа в основании, зла моя духовная область, лежащая за пределами моего сознания. *Само-исправление, стало быть*, дело невозможное, равно как и *само-спасение*: из зла добра не выведешь. Совесть! Но она *явственно* говорит, обличает и судит только *по* совершении дурного дела. Да к тому же *совесть*, как отголосок Суда Божия, не так то легко отличить от *совести*, как отголоска суда человеческого, сословного, личного (как нарушение собственных *принципов*). Мне стало ясно, что мои злые влечения, мысли, дела свидетельствуют лишь о характере источника, из которого они истекают...

«Так вот почему» шептал я, «она, эта «искра», несмотря на все усилия, не возгаралась в душе моей! Так вот откуда это самочувствие Каина, приносящего жертвы, но неприемлемые Богом!» И все мои внешние добродетели представлялись мне не более, как жалкими пустяками, как богопротивным лицедейством... Это *открытие*, в его целом, потрясло мою душу до основания. Я чувствовал, что не только топчусь на одном месте, но что я погибаю... Что же это такое, и что такое «я» наконец?»

«И я самоопределился так: «Ты», отвечал мне мой внутренний голос, стойк, драпирующийся в дырявую мантию своих

самодельных добродетелей; ты — полубуддист, полупантеист, насильственно приплетший к своему мирозерцанию заповеди Христа.; но главное, ты — кающийся интеллигент, но, в безумии своем, кающийся не перед Богом спасающим, а перед народом, этими голодными и холодными, которые также не могут отпустить тебе своих грехов, как не властен ты сам изменить свое злое настроение на доброе; словом, *ты христианин без Христа!*».

«За сим, как я уверовал в Воскресшаго, ты знаешь: напомним только, что *в тот момент, когда я почувствовал прикосновение в сердце моем, я сразу узнал (ибо более реального я ничего не испытывал в жизни), что это Он, Господь мой воскресший.* Это было впервые, что я назвал Иисуса Христа *Господом* и, не переставая называть Его этим именем, я *чувствовал* в том неизъяснимую сладость.

Хотя *разум* мой долго *бунтовался* против сей истины, но, имея *в центре своего существа* несокрушимую веру в Воскресшаго, мне уже не трудно было и разум привести в послушание вере».

Из боязни оказаться слишком многословным я ограничился краткой, сравнительно с громадным письмом, выпиской, хотя и все письмо представляется в высшей степени интересным и значительным... К тому же на смену революционеру поспешает учительница, дочь шестидесятника, воспитанная в традициях эпохи реформ. И из ее чрезвычайно поучительного и многозначительного письма беру лишь немногие строки.

«Христос воскрес, дорогой... Я член церкви Христовой, мне прощены мои грехи и я причастилась Св. Таин. Я поражена и уничтожена всепрощением Божиим. Простил, все простил, потому что *нет больше муки в моей душе*; и солнце, и небо, весна и природа, все для меня, как и для других; любовь родных, близких и детей (моих учениц) все вернулось ко мне, хотя могло казаться, никогда и не отнималось»

Упомянув о волнении, вызванном исповедью, девушка продолжает:

«Причастие Св. Таин успокоило меня... *Я почувствовала себя в общении с Богом моим Иисусом Христом.* Я теперь верю, что Он взял на Себя грехи мира, что Он приходил на землю и был распят за нас всех и за меня, и искупил все прошедшие и будущие грехи людей».

«Чудны дела Твои, Господи!», - радостно восклицает крещеная в детстве, но только через 25 лет узревшая Свет Христов, наставница юношества. «Да будет благословенно имя Господне отныне и до века!».

Посмотрим, согласно ли это со Словом Божиим?

«*Живу не ктому аз, но живет во мне Христос*» пишет к Галатам Ап. Павел. Что же это значит? А вот что. «Я умер», изъясняет это место еп.Феофан, «но не с тем, чтобы мертву быть, а чтобы жить иною жизнью, совершеннейшею. Я сораспялся Христу, и Христос, живой в распятии, жизнью Своею меня исполнил: *стал жить во мне*. Теперь уже я не живу, но *живет во мне Христос*. Это не нравственно только, в том смысле, что я Ему всецело предан и все Ему посвящаю - и мысли, и чувства, и дела, и слова, и внешнее мое все, как и внутреннее, - ничего для себя не загадываю, все для Него — так что меня будто нет, а есть только Он во мне, и угождать Ему единственная моя забота; *но и самым делом, существенно, Он во мне*».

Так у великаго Апостола. Но бывает ли это с заурядными христианами, не призванными к великому служению учительскому?

«Да даст вам (Отец Господа Иисуса Христа) по богатству славы Своея утвердиться Духом Его во внутреннем человеце; *вселитесь Христу верою в сердца ваша*» (Еф. III, 16-17), вот пожелание христианам Ефеса.

Преосвященный Феофан сопоставляет с этим пожеланием Апостола обетование Самого Господа и приводит слова Господни: «Имейя заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй мя, а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его и *явлюся ему Сам* (Иоан.XIV, 21)... Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и *к нему приидем и обитель у него сотворим* (Иоан.XIV, 23)». «Когда вкоренится в вас любовь, тогда *проявится в вас полнота вселения Христова, - Он исполнит вас, как огонь преисполняет железо. И все узрим живущаго в вас Христа. - Этого желаю вам; об этом, преклоняя колена, молюсь к Отцу Небесному*». Так излагает мысль Св Апостола Павла еп.Феофан.

Он же в своем толковании на I Кор, 1, 20, говоря о слове крестном, замечает:

«Спасительности его отвергать нельзя, ибо *опыты сего у всех пред глазами*: слышат слово крестное, веруют, принимают

крещение и являются *новой тварью, новыми себя ощущают, новыми видят их другие.....*»

Говоря далее о принявших проповедь о кресте, еп.Феофан поясняет их душевное состояние:

«Заподлинно они удостоверились в сей силе и премудрости, когда в крещении спогребались распятому Господу и вкушали спасительность креста».

И далее:

«Блага сии уготованы любящим Бога, т. е. тем, кои, оставя все, к Богу прилепляются сердцем, и в сердечное живое общение и единение с Ним входят путем, от Него указанным и предписанным». «Посему то внушается нам: *взыщите Господа, взыщите лица Его выну* (Пс. XXVI, 8 и CIV, 4). Пророк Моисей поставляет зрение лица Божия краем своих желаний и после того уже, как Бог явил чрез него и в нем столько чрезвычайных действий Своей благодати и всемогущества: *аще обретох благодать пред Тобою, яви мне Тебе Самого, да разумно вижду Тя.* (Исх. XXXIII, 13), молился он. - С каким страхом взывал ко Господу Пророк Давид: *не отвержи мене от лица Твоего* (Пс. L, 13), зная, что *удаляющие себе от Него погибнут* (Пс. LXXVII, 27). С каким желанием устремлялся он всегда к Богу: *возжада душа моя к Богу* (Пс. LXII, 2); *имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к тебе Боже* (Пс. XI, 2). С какою теплотою упокаивался в Нем едином: *Мне же прилеплятися Богови благо есть* (Пс LXXII, 28)»

«Но не в этом одном устремлении всех желаний к Богу — наше благо», продолжает преосвященный. «Жажда без утоления, алчба без насыщения, потребность без удовлетворения есть скорбь, болезнь, мучение. Ища Бога, мы хотим *обрести Его, хотим обладать Им* и быть обладаемыми от Него, *приискренно приобщиться Его, быть в Нем и Его иметь в себе.* В этом-то живом, внутреннем, непосредственном общении Бога с человеком и человека с Богом и есть Его *последняя цель.* Таким сие общение изображается в слове Божиим. Так сам Бог об одних говорит: *не имать дух мой пребывати в человецех сих, зане плоть суть* (Быт. VI, 3), а другим обещает: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. VI 16). «Внимай», говорит на сие место Св. Златоуст, *«кто обитает в тебе! Ты Бога носишь в себе.»* Св.Иоанн Богослов учит, что, когда кто пребывает в любви, то не только он пребывает в Боге, но *и Бог в нем пребывает* (1 Иоан. IV, 16). - Это

живое общение с Богом возводится у святых отцов до обожения человека. Так Св. Григорий Богослов изображает человека «живым существом, чрез стремление к Богу достигающим обожения.» У св. Макария почти в каждой беседе можно находить напоминание о живом общении души с Богом. Так в 46 беседе он учит, что Бог сотворил душу человека такую, чтобы быть ей невестою и сообщницею Его, и чтобы Ему быть с нею единым растворением и единым духом. «Для человека нужно», говорит он в другом месте, «чтобы не только сам он был в Боге, но и Бог был в нем.»

«Но не подумал бы кто, что, когда Богообщение поставляется последнею целью человека, то человек сподобится его после, в конце, напр. всех трудов своих». «Нет», решительно заявляет автор, «Писем о христианской жизни»: оно должно быть всегдашним, непрерывным состоянием человека, так что, коль скоро нет общения с Богом, коль скоро оно не ощущается, человек должен сознаться, что стоит вне цели и своего назначения.

Состояние, в котором человек сознает, что Бог истинный есть его Бог, и сам он есть божий, т.е., говорит в сердце своем Богу: Господь мой и Бог мой (Иоан. XX, 28), как апостол Фома, и к себе: Божий есмь, Божий есмь (Исх. XLIV, 5) – такое состояние единое истинное состояние человека, есть единый, решительный признак присутствия в нем начала истинно нравственной и духовной жизни».

Чтобы не заслужить упрека в подборе свидетелей одного какого-либо типа и этим не ослабить силы свидетельств, я нарочно собрал воззрения на данный предмет и Отцов-общественных деятелей, и наставников монашеских общежитий, и созерцателей-пустынников, и современных людей разного пола, возраста, образования и общественного положения. Утверждения всех этих разнородных лиц (которым всем они придают существенное значение), находясь в полном согласии одно с другим, в таком же согласии находятся, как показано, и со свидетельством Слова Божия.

Все эти люди свидетельствуют, говоря вообще, о религиозном опыте, как необходимом, существенном признаке истинно-духовной жизни — в начале, середине и конце ея. Все они сходятся в этом друг с другом, различаясь лишь глубиною и широтою личного опыта, при чем одни из них оставили нам

одни лишь отрывочные свидетельства о своей жизни во Христе, другие, наиболее одуховленные, изложили свой внутренний опыт восхождения к Богу в цельной системе, преподали нам не только метод Богопознания, но и теорию познания вообще (Св. Исаак Сириин).

Наше школьное Богословие, на почве которого ведется и борьба с противниками Церкви, чуждое религиозного опыта, не только никого не одухотворяет и не возводит к Богу, а убивает и те живые начатки, которые воспринимаются в благочестивой семье и храме. Отвращение или недоверие, которое вызывает к себе богословие во многих питомцах наших духовных (а иногда и светских) учебных заведений, - едва ли для кого тайна. Равнодушие к вере или отрицание ее, вот достояние наше.

Посмотрите, кто руководит умом и пробужденной совестью сознательного русского человека? Литература, философия, наука, - только не богословие, которое в своем крайнем схематизме решительно не видит живой души человеческой с ее запросами, муками, сомнениями. Оно не берет человека с его наличными духовными требованиями и не возводит его, осторожно и проникновенно пестуя на высшую ступень самосознания и самочувствия. Эту роль взяла на себя литература светская, к несчастью не всегда стоящая в согласии с христианскими идеалами.

Кто и в чисто религиозной сфере мысли имеет у нас добрый успех? Владимир Соловьев, Хомяков, Самарин, Киреевский, Несмелов, т. е., люди, особенно чуждые приемов школьного богословствования.

Чем привлекают к себе и такие духовные писатели (имеющие впрочем значение больше для тех, кто уже не далек от церкви, и еще более для живущих в ней), как еп.Феофан, еп.Антоний Уфимский, о.Иоанн Сергиев (имею в виду его «Моя жизнь во Христе»)? Да тем, что отреклись они от стереотипного, мертвого и мертвящего, формально-диалектического метода мышления и пошли по новому пути богословской мысли, пути, который кажется, лучше всего назвать «психологическим».

Обрушиваясь на рационализм наших протестанских сект, мы сами в сущности стоим на почве того же рационализма, что и наши противники. Мы с ревностью, достойной лучшей участи, храним догматическую скорлупу, настолько закалив, или вернее, заморозив ее холодом научной рассудочности, что

ищущим питательного зерна Христова доступ к нему оказывается решительно прегражденным. Вместо запрятанного нами зерна мы предлагаем скорлупу, *необходимую* правда для роста и здоровья зерна, *характерную* для него, но *саму по себе* вовсе не утоляющую голода и не возбуждающую ни малейшего духовного аппетита.

Я невольно вспоминаю, какое чувство вызывали во мне школьные руководства, когда я, сознательно придя к церкви и прожив некоторое время в недрах ея, решил заглянуть в учебники и академические лекции. Я чувствовал, что чтение это умаляет мое религиозно-нравственное достояние. Это наблюдение даже смутило меня, но по счастью одно авторитетное духовное лицо успокоило мою смятенную душу....

Какие же положительные выводы можно и должно сделать, стоя на почве «опытного Богопознания?»

Первое, чрезвычайно важное и существенно-необходимое следствие пользования указанным методом — *собственное душе-спасение каждого из нас*. Разве не громадной, единственной, можно сказать, важности дело — *опытно* познать то, что принималось раньше по «вере слуха»? Разве не великое благо *собственными очами узреть* ту страну, в которую предлежит нам переселиться по оставлении хранины тела, если, конечно, Царь той страны примет нас к себе? Разве не безмерное счастье *видеть, слышать, осязать* Того, общение с Кем должно служить источником нескончаемого блаженства? Разве не великая радость достичь непостыждающей надежды, которая держится не на легкомысленном «авось», а на глубоком *приобщении* к Самому Источнику спасения?

Второе следствие то, что и *ближних* наших мы сможем призывать в чудный свет *животворящей* и обновляющей, в Боге сокровенной, но верным рабам Христовым *ощутительно* открывающейся истины, а не к сухим и малопонятым (без указанного опыта) умозрениям, не к голой морали или богослужебной эстетике.

Стоя на указанном пути мы, естественно, с большим разумением, проникновением, смирением и кротостью будем относиться и к *противникам* нашим.

Если легко произнести суд над другим с точки зрения правоверия, то гораздо труднее сделать это с точки зрения православия. Если при первом легко поддаваться мусульманскому

фанатизму, то при втором не трудно с сокрушением взирать на себя и с кротостью оноситься к другому.

Конечно, легче на основании отвлеченных формул определить степень виновности подсудимаго, чем вдунуть в него *дыхание жизни Христовой*. Но значит ли это, что нужно и позволительно первое предпочитать второму?

Ведь в сущности всеми противниками Церкви владеет тот или иной дух. И противопоставлять ему можно дух же, а не слово. Каждый из нас знает по собственному опыту, как бездейственно чужое слово, если оно дисгармонизирует с нашим настроением, не будучи само полно сильнейшего настроения. Оно, как пробка из воды, выталкивается этим настроением. Чтобы победить несогласнаго, нужно заразить его известным самочувствием. Если нет последняго, тщетно слово...

Я, напр., читал одному пашковцу из творений Св.Симеона Новаго Богослова, и он приходил в изумление и умиление от словес этого богоноснаго мужа...

Один врач, бывший революционер, говорил мне, что «когда он думал, что уже нет *нигде новых источников жизни*, случайно прочитанная им фраза Исаака Сирина приковала к себе его ум своей глубиной, а *сердце своей силой*. Св.Исаак показал ему, по его словам, «реальность бытия инаго мира». Вот он — дух истиннаго миссионера-отшельника, из пустыни VI века пробивающаго брешь в сердце современнаго интеллигента!

Та же черта *опытнаго* Богопознания в писаниях святоотеческих поразила Киреевскаго, который так выразился в одной из своих статей «Св.Отцы говорят о *стране, в которой были*».

Ища для себя в Церкви *прежде всего правильнаго устрения души по Богу, истиннаго обновления и возрождения, действительнаго приобщения Самому Христу* Господу, мы встанем в более правильные отношения, разумнее, глубже, проникновеннее отнесемься и к людям чуждым христианства, и, тем более, к исповедующим Христа, пришедшаго во плоти, но не согласным с нами в путях следования Ему.

Ведь собственно каждое христианское общество ставит главной своей задачей *наилучшее устроение души* человеческой, т. е., наиболее согласное с волей Божией. Следовательно, существенная сторона задачи есть нечто сокровенное, не поддающееся никаким *рассудочным* определениям, ускользающее

от них, как ускользает чувство из рамок холодной формулы.

Стоя на почве психологической, т. е. на почве *православного религиозного опыта*, мы достигнем двойкой цели и оградим себя от двойкой неправды — по отношению к себе и относительно других.

Себя мы *неизбежно* должны будем тщательно испытывать и истязательно вопрошать: «*в вере ли мы* (2 Кор. XII, 20)?» Должны будем заботливо простираться вперед, забывая задняя (Фил. III, 13), дабы не утратить *живаго* критерия истины, который хранить и изощрять можно только путем трезвенной жизни и непрестанного внимания к себе.

К своим собеседникам или противникам мы *необходимо* должны будем проявлять особенное внимание, терпение, проникновение, чтобы определить степень их *реального* приобщения Истине, т.е. Жизни Христовой.

Конечно, повторяю, легче, а потому и соблазнительнее устраивать для несогласных Прокрустово ложе и, прилагая к ним мерку внешних догматических определений, одних растягивать, а других укорачивать, легче, чем, вникая в их *действительное* религиозно-нравственное содержание, исправлять ложное и восполнять недостающее. Легче, но какой плод проносит собою этот легкий путь?

Измена наша *истинному* пути Богопознания имеет своим следствием то, что, с одной стороны, мы не способны бываем видеть положительного и ценного достояния одних наших противников (напр. католиков и отчасти протестантов), с другой — мы нередко вступаем в борьбу с другими недругами нашими, стоя с ними на различной почве, и потому обрекаемся на взаимное непонимание. Если в первом случае, когда мы, напр. упускаем из вида в католичестве положительные типы святости, мы совершаем вредную несправедливость, то во втором, как напр. в отношении к Толстому, неверующим людям науки и некоторым сектантам, мы впадаем в не менее вредную нелепость, подобную измерению кубического тела плоскостью.

Например, ведется с Толстым спор на почве догмата, *вне всякой связи* этого последняго с *нравственностью*, когда для Толстого суть христианства в *морали*.

Или: неверующему *империку* предлагается догматическая система *отрешенная от всякой мысли об опыте*.

Или: хлысту, *всем существом* своим утверждающему свою

тождественность со Христом или Богородицей, *живо* (хотя и иллюзорно) *чувствующему* эту тождественность, *холодно разъясняется правое учение* о 2-м лице Св.Троицы и о лице Богоматери.

Вместе с утратой истинного пути к Богу (в науке и жизни) риза Христова стала раздираться. Но Господь, хранящий Церковь Свою и из злаго выводящий благое, самое раздирание обращает в укрепление. И толстовство, и пашковщина, и всякое иное сектанство, философский и экономический материализм, и многое другое являются печальным, но неизбежным коррективом современного христианства, частнее сказать — православия. И мы — православные обязаны, вдумавшись в эти явления, принять их к сведению, как *урок* и как *упрек* себе.

Нечего скрывать, что Толстой напр. всколыхнул стоячую воду нашей богословской мысли, заставил тех, кто спокойно почивал на подушке, набитой папирусными фрагментами и археологическими малонужностями. Он явился могучим протестом как против крайностей учредительных увлечений 60-х годов, так и против мертвенности ученаго догматизма и безжизненности церковнаго формальзма. И спаси, и просвети его Бог за это! - Как ни однобоко почти все, что вещал нам Толстой, но оно, это однобокое, было нужно, так как мы — православные забыли эту подчеркнутую им, сторону Христова учения. Или, по крайней мере, лениво к ней относились. Призыв Толстого к целомудрию (тоже, правда однобокому), воздержанию, простоте жизни, служению простому народу и «к жизни по вере» вообще — был весьма своевременным и действительным.

И мы должны, отвергнув все неправое в его писаниях, принять к сведению, и главное, к исполнению то доброе, что он выдвигал в Евангелии., в укор нам, а вместе с тем должны показать, что *истинное разумение*, а тем более *достижение* нравственного идеала Евангелия возможно только при условии правой веры, т. е., в Церкви.

Сектантам, с их исканием *живаго* Христа и *естественным* протестом против крайностей обряда, за которым они проглядели, - *не без нашей опять таки вины*, - истинное сокровище Церкви, мы должны отвечать не отрицанием законности этого искания, якобы *только плода гордости и повода к прелести*, а указанием безобманнаго пути, на котором обретается *подлинный живой Христос*, обещавший сотворить Себе обитель в любовно

преданном Ему сердце (Иоан. XIV, 23).

Всем им, ищущим живой веры и благой жизни, мы должны отвечать тем, в чем *искренние* искатели того и другого нашли бы осуществление своих *законных* стремлений.

Безрелигиозным радателям о материальном благосостоянии труждающихся и обремененных телесно мы должны ответить не обвинением их в «социализме», а не прибегая к подобным «жупелам», противопоставить их предприятиям образование христианской общественности и истинно христианскую, не копеечную, а определяемую мерою нужды благотворительность, как это и *было* в первоначальном христианском обществе, когда у верующих было «одно сердце и одна душа» (Деян. IV, 32). Мы теперь *подозрительно* смотрим и на попытки сектантов устроиться экономически на началах, чуждых нашему *языческому* строю жизни, забывая, что *в пример нам* передано в Деяниях Апостолов, что из верующих «никто и ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. IV, 32). А возможно это было потому, что все они — верующие имели *общаго* Христа Господа *подлинно* живущим в сердцах своих.

Суровым, часто может быть несправедливо-придирчивым, но благожелательным обличителям нашего государственного порядка мы должны ответить не злобным упреком в неблагонамеренности, а искреннею ревностью о водворении у нас *действительно христианского* политического строя жизни, что возможно лишь при условии, если государственные деятели, большие и малые, будут не только в личной жизни, *но и в своем государственном служении «ходить пред Богом», носить Христа в сердце своем, действовать во имя Его...* Если пошлет Господь *таких* делателей на ниву нашей государственной жизни, что совершится, конечно, не без нашей *сердечной* (а не показной) *молитвы* (Лк. X, 2) и без нашего *добросовестного содействия*, то действительно только завистливая, преступная Корео-Дафано-Авироновская неблагонамеренность осмелится поднять голос против вождей народа Божия.

Людам внешнего знания мы должны ответить не противопоставлением пятичувственному опыту веры, как доверия к *внешнему* авторитету, а указанием на возможность *инаго опытного* знания, вводящего человека в иной *реальнейший* мир бытия, при условии следования методу, выработанному и хранимому во Вселенском Училище, Ипостасною Премудростию

основанном: *в недрах этого нового мира* предложит человеку почерпнуть *новое ведение* и относительно *этой текущей и преходящей*, но столь любимой ему действительности....

И в самом деле, ведь если все многочисленные ученики и воспитанники названного училища, упомянутые нами и не упомянутые, прославленные Богом и не прославленные, правы в своем единодушном утверждении, что в воскресение Христово мы не только *«верим от слышания»*, но можем *«зреть его собственными очами»*, иначе сказать, что воскресение Христово есть *опытно* дознаваемая истина, то тогда значит, *единственный по важности* исторический факт, оспариваемый однако лженаучной критикой, сказывается *опытно* удостоверенным.

Примечательно, что необычайности события соответствует необычайность метода исследования. Обыкновенно явление, о коем говорит *верующая* молва, проверяется свидетельством очевидцев из современников, психологический факт ищет себе подтверждение во внешнем удостоверении, свидетельском показании; в *данном единственном* случае историческое свидетельство, оспариваемое рационализмом, опирающимся на контр-свидетельства, подтверждается не сильнейшими современными свидетельствами и не (одними) соображениями исторического прогматизма, а психологией лица, - и какого лица?! Не чудесное ли дело: простолюдина, почти младенца, еле умеющего отличить правую руку от левой! Ибо то, о чем свидетельствует разнородный сонм святых Божиих, может быть достоянием всякого *простеца*. (Вспомним Св.Павла, ученика Св.Антония Великаго). Где, как не тут, в этом центральном пункте христианства, воскресении Христовом, посрамлена мудрость книжников и совопросников всех веков?!

Если же мы *удостоверительно* знаем, что Христос воскрес, то отсюда следует не только то, что *вера* наша *не тщетна*, и мы можем выйти из-под власти греха (Кол. II, 3).

Ведь если Христос воскрес, то весь клубок истин Писания раскатывается сам собой. Недаром такой талантливый и ученый противник Христа, как Штраус, полагал, что оставить непровергнутым факт воскресения, эту твердыню христианства, значит оставить *все* здание его. Не без разума другой талант, антихрист в жизни и исповедник Христа в слове, Наполеон говорил генералу Бертрону, что с признанием воскресения Христа, т. е., Его Богочеловечества, христианство является

математически стройной, несокрушимой системой.

Итак, если Христос воскрес и *следовательно* *Св.Писание истинно*, то *историку* уже нельзя верить в бесконечный прогресс на земле; *экономисту* считать желудок основным двигателем (исторической) жизни, а производительность земли независимой от религиозно-нравственного состояния человека; *зоологу* нельзя признавать неизменной нормой борьбу за существование; *астроному* — видеть в движении планетной системы бездушную механическую силу, управляемую слепым роком; *физику* — утверждать всеобщность закона тяготения, не выпускающего из под своей железной руки и свободно-разумного существа человека; *моралисту* нельзя строить правила поведения человека на основании выводов, сделанных из наблюдений над животными; *психологу* и *историку литературы* нельзя обозревать движений человеческой души, смены типов и характеров вне их отношении к солнцу Правды — Христу; *философу* нельзя и теорию познания, и все здание философии опирать на познавательные силы одного лишь «натурального» человека, мудрствовать по стихиям мира, а не по Христу (Кол. II, 8); серьезному *политику* нельзя с высокомерной снисходительностью относиться к указанию на *теократический* строй царства Еврейского.

Изображение процесса и финала всемирной истории по указаниям Слова Божия не должно уже вызывать насмешки историка.

Молитвы о дожде, раннем и позднем, об умножении плодов земных, об избавлении от глада не должны удивлять экономиста.

Лев, послушный старцу Герасиму, и медведь, питающийся от трапезы преп. Сергия, не должны вызывать недоверия со стороны зоолога.

Солнце, остановившееся над долиною Аїалонскою не должно вызывать иронической улыбки на устах астронома.

Мария Египетская, переходящая реку по поверхности воды, не должна казаться существом фантастическим физику.

Отрешение сотен и тысяч людей не только от брака, но и от каких-либо чувственных влечений не должны представляться странным или невозможным моралисту и безумным психиатру.

Изучение не только «естественной», но и «возрожденной во Христе» души человеческой не должно ли входить в обязанность

психолога?

Попытка оценивать писателей, этих руководителей человеческой мысли и совести, с точки зрения идеала Христова, с точки зрения пестунствования людей во Христа, не есть ли прямой долг историка литературы?

Не надлежит ли истинному «другу мудрости», минуя Сциллу рационализма и Харибду эмпиризма, устремляться в тихия, текущая в жизнь вечную, воды «духовнаго ведения»?

Возлюбленный певец и раб Иеговы, типичный царь теократического царства, не должен ли приковывать к себе внимание того, кому вручаются судьбы роднаго государства?

А все это вместе взятое должно быть очень близко уму, сердцу и совести христианскаго богослова, не того, конечно, который, смертельно ранив сначала себя холодным ножом бесплоднаго анализа, затем совершает ту же жизнеубийственную операцию над живыми душами будто бы просвещаемых ими собратий, а того, который, непрестанно припадая жадными устами к Вечнотекущему источнику воды живой, напояет ею и оживляет даже замирающие сердца человеческия...

Свое немощное и весьма несовершенное слово я позволю себе закончить сильным, глубоким и сладостным обращением к Господу Св.Отца нашего Исаака Сирина :

«Сподоби нас, Господи, познать и возлюбить Себя не тем ведением, какое приобретается чрез упражнение с расточением ума, но сподоби нас того ведения, в котором ум, созерцая Тебя, прославляет естество Свое в созерцании, похищающем у мысли ощущение мира... Исполни сердца наши жизни вечной; да возсияет в них Истина Твоя, Христе, *полнота* истины, и да познаем, как по воле Твоей ходить путем Твоим!»